

ПЛУТАРХ

СЕРТОРИЙ

(Описание жизни и деятельности Сертория в Испании)

Нет, разумеется, ничего удивительного в том, что при бесконечном течении времени, при постоянных почти переменах судьбы часто бывает случайное совпадение между теми и другими событиями. Одно из двух: или число происходящих в мире событий беспредельно, поэтому судьба, обладая таким богатством материала, находит неиссякаемый источник для выражения сходных между собою событий, или же события, состоя из ряда определенных норм, укладываются в определенное число. Они должны, в таком случае, часто повторяться, раз средства их выполнения одни и те же.

Есть любители заниматься собиранием, из области истории или преданий, тех случайных событий, которые, повидимому, можно объяснить каким-либо разумным намерением или предвидением. Например, было двое известных Аттисов, один сириец, другой аркадянин,—и их обоих убили кабаны; было двое Актеонов, и оба были разорваны на части,—один своими собаками, другой—любовниками; было двое Сципионов—сначала (старший) из них разбил карфагенян, а потом (младший) окончательно их уничтожил. Илион в первый раз был взят Гераклом из-за коней Лаомедонта, во второй раз Агамемноном—при помощи «деревянного коня», а в третий раз Харидемом—опять-таки из-за лошади, вбежавшей в ворота, которых троянцы не успели быстро запереть. Два города, Иос и Смирна, носящие одинаковые имена с самыми душистыми растениями, считаются: один—местом рождения поэта Гомера, другой—его смерти. К этому прибавлю еще, со своей стороны, что самые воинственные полководцы, прославившиеся целым рядом подвигов благодаря своей хитрости и талантам, были кривыми, например, Филипп, Антигон, Ганнибал, и, наконец, главное лицо данной биографии—Серторий. Про него можно сказать, что он был умереннее Филиппа по отношению к женщинам в своих любовных похождениях, более верным другом, чем Антигон, более гуманным к врагам, чем Ганнибал; по уму он не уступал никому из них, счастьем же все они были выше него: оно всегда преследовало его и было для него гораздо опаснее явных врагов. Тем не менее, он сравнялся опытностью с Метеллом, смелостью—с Помпеем, счастьем—с Суллой, могуществом с римлянами, когда, став во главе неприятельских войск, боролся с ними как изгнанник Рима и как пришлец среди варваров. Из эллинских полководцев всего лучше мы можем сравнить его с скардийцем Эвменом. Оба они имели военный талант и прибегали, при своей храбрости, к военным хитростям; оба они были изгнаны из отечества и должны были командовать иностранными войсками; обоим им было суждено умереть насильственной

и несправедливой смертью; оба они, став жертвой заговора, погибли от руки тех, с которыми вместе побеждали врагов.

II. Квинт Серторий родился в довольно известной семье в городе Нуссах, в Самнии. Потеряв отца, он получил прекрасное воспитание от своей матери, оставшейся вдовой; вследствие этого, повидимому, он горячо любил свою мать. Говорят, что имя его матери было Рея. Довольно долго он занимался судебными делами и, благодаря своему ораторскому таланту, приобрел в столице еще в молодости некоторую известность; но его блестящие подвиги на войне, его успехи на этом поприще napravили его честолюбие в эту сторону.

III. Свой первый поход он совершил под командой Цепиона, во время вторжения в Галлию кимвров и тевтонов. Римляне были разбиты и обратились в бегство. Здесь под Серторием была убита лошадь, и, кроме того, он был ранен, но переплыл в броне и со щитом Рону, хотя и должен был бороться с сильным течением. Настолько крепко и привычно к лишениям было его тело благодаря физическим упражнениям.

Во время нового нашествия варваров, когда они явились как грозная сила в числе сотен тысяч, так что трудной задачей было заставить римлян стоять в строю и повиноваться полководцу, звание главнокомандующего носил Марий, Серторий же принял на себя обязанность разведчика. Одевшись в галльскую одежду и выучив предварительно ряд самых употребительных фраз, чтобы в случае необходимости обменяться несколькими словами, он вмешался в толпу врагов. Частью увидав сам, частью услышав всё, что для него было важно, он вернулся к Марию. Тогда он получил награду «за храбрость». И в продолжение остального времени он несколько раз выказывал во время похода свой ум и смелость, чем приобрел себе известность, а вместе и доверие со стороны полководца.

После окончания войны с кимврами и тевтонами его отправили в Иберию в звании военного трибуна под началом у претора Дидия. Он остановился на зимних квартирах в городе кельтиберов, Кастулоне. Солдаты, имевшие всё в изобилии, обнаглели и почти все пьянствовали, вследствие чего варвары относились к ним с презрением. Однажды ночью варвары заручились помощью своих соседей гиризенов и затем, врываясь в дома, стали избивать римлян. Серторию удалось спастись с несколькими товарищами и, собирая успевших бежать, он обошел весь город. Найдя открытыми ворота, через которые варвары незаметно вошли в город, он не поступил, как они, но поставил возле ворот караул и, захватив город, изрубил всё население, способное носить оружие. Покончив с ними, он приказал всем своим солдатам снять их оружие и платье и, надев на себя испанское одеяние, идти к тому городу, из которого были присланы напавшие на них ночью враги. Варвары, видя их вооружение, поддались обману. Серторий нашел городские ворота отворенными и захватил множество варваров, вышедших встретить своих друзей и сограждан, одержавших, как они думали, блестящую победу. За это римляне почти всех их перебили возле ворот, остальных же, сдавшихся, продали в рабство.

IV. Своим подвигом Серторий приобрел известность в Иберии. Вернувшись в первый раз в Рим, он получил должность квестора в Цизальпинской Галлии, и как нельзя более кстати: начиналась Марсийская война, и он получил приказание набирать солдат и готовить оружие. Старанием и быстротой выполнения, обнаруженными им при исполнении возложенного на него поручения, в сравнении с медленностью и бездействием других молодых людей, он смог заслужить себе славу как человек, подающий надежды на деятельную жизнь в будущем.

Несмотря на свое звание полководца, он не уступал в личной смелости простому солдату. Он совершил замечательные подвиги, проявив личную

храбрость, и не щадил себя в сражении, причем потерял один глаз, который у него был выбит. Этим он гордился всю жизнь и говорил, что «другие не всегда могут иметь с собою доказательства своих геройских подвигов; часто им для этого приходится снимать полученные ими брони, оружие, цепи и венки; доказательство же его мужества постоянно при нем, и тот, кто видит его несчастье, видит, вместе с тем, и его храбрость».

Народ достойно наградил его: когда он вошел в театр, его приняли с такими рукоплесканиями и приветствиями, какими едва удостоивали лиц много старших и более известных. Его кандидатура на звание народного трибуна не имела, однако, успеха, благодаря проискам Суллы. Этим, вероятно, можно объяснить и его ненависть к Сулле.

Когда Марий был побежден Суллою и бежал, Сулла же должен был отправиться на войну с Митридатом, один из консулов, Октавий, остался верным приверженцем Суллы; но (другой консул) Цинна думал о государственном перевороте и желал восстановить павшую духом партию Мария. Тогда и Серторий принял его сторону, видя, кроме того, что Октавий сам человек очень тупой и не доверяет друзьям Мария. На форуме между консулами произошла кровопролитная схватка. Победителем остался Октавий. Цинна и Серторий должны были спастись бегством, потеряв почти десять тысяч человек своих сторонников. Им удалось, однако, привлечь к себе силой убеждения большинство рассеянных по Италии войск, и вскоре они могли явиться достойными соперниками Октавия.

V. Между тем, Марий вернулся из Африки и хотел присоединиться, в качестве простого гражданина, к консулу Цинне. Все остальные стояли за то, чтобы принять его; только Серторий не соглашался с ними. Быть может, он думал, что Цинна станет менее ценить его, если при нем будет находиться человек, более заслуживающий быть полководцем; быть может, он боялся сурового характера Мария, боялся, что он всё расстроит, не зная меры своей ярости, и, в случае победы, выйдет из границ справедливости. Поэтому он говорил, что, раз им осталось сделать для окончательной победы немного, то, приняв Мария, они должны будут пожертвовать в его пользу всей своей славой и значением, как для человека, не любящего делиться властью с другими, и притом такого, на которого нельзя положиться. Цинна отвечал, что Серторий рассуждает здраво, но что ему стыдно отказать Марию, которого он сам призвал для совместных действий с ним; кроме того, он не знает, как это сделать. «Я считал, — отвечал Серторий, — что Марий приехал в Италию по своему собственному желанию, вследствие чего я и обращал внимание только на наши интересы. Но, раз человек приехал по твоему собственному приглашению, тебе лучше было бы с самого начала даже совсем не начинать разговора об этом. Тебе остается только принять его и извлечь пользу из его присутствия. Раз дано слово, не может быть места никаким рассуждениям». Тогда Цинна пригласил Мария. Войско было разделено на три части, и ими командовали три полководца.

Когда война окончилась их победой, то Цинна и Марий со своими сторонниками дали полную волю своей наглости и озлоблению, так что прежние бедствия войны показались римлянам, если можно так выразиться, золотом. Один Серторий, как говорят, никого не убил из чувства мести и не надругался над побежденными. Мало того, он был раздражен против Мария и старался отдельными личными просьбами сделать Цинну более умеренным. Рабы, которыми Марий пользовался во время похода как помощниками и окружал себя как телохранителями во время своей тирании, приобрили, наконец, благодаря ему, силу и состояние, частью с его разрешения и по его приказаниям, частью по своей собственной воле, позволяя себе незаконные действия против своих прежних господ; они убивали

их, бесчестили их жен, насиловали детей. Серторий не мог переносить это и приказал всех их, около четырех тысяч человек, перебить одновременно в лагере.

VI. Марий умер; Цинна был вскоре убит. Тогда консулом сделался Марий Младший, противозаконно и против желания Сертория. Карбоны, Норбаны и Сципионы терпели поражения от наступавшего на Италию Суллы. Дело было проиграно частью вследствие трусости и слабости полководцев, частью вследствие предательства. Присутствие Сертория не приносило никакой пользы из-за дурного ведения дел лицами, имевшими большее значение в сравнении с ним. Наконец, Сулла стал лагерем вблизи Сципиона и, лаская его надеждой на близкое заключение мира, успел переманить его войско на свою сторону. Серторий говорил об этом Сципиону заранее, предупреждал его, но не убедил. Совершенно отчаявшись в спасении государства, он бежал в Иберию с целью сделать из нее убежище своим изгоняемым друзьям, если ему удастся заблаговременно утвердить в ней свою власть. В горах застигла его сильная буря. Ему пришлось за деньги покупать у варваров свободный путь. Товарищи его негодовали, считая позорным, что римский проконсул должен платить деньги «презренным варварам»; но Серторий не обращал особенного внимания на свой личный позор и говорил, что покупает время, самое нужное для человека, задумавшего обширные планы. Он удовлетворил варваров деньгами и быстро овладел Иберией.

Увидав, что туземное население имеет много юношей в цветущем возрасте, годных для военной службы, но за алчность и заносчивость ежегодно присылаемых к нему преторов относится ко всей власти римлян крайне неприязненно, он привлек к себе их старшин своим ласковым обхождением, а простой народ — уменьшением налогов. Главным же образом, он снискал любовь себе освобождением их от постоев, — он заставлял солдат строить зимние бараки в городских предместьях и сам первый жил в них. Тем не менее, не рассчитывая всецело на приверженность к себе туземного населения, он роздал оружие и римлянам, переселившимся в Иберию и бывшим в цветущем возрасте; в то же время он принял за постройку различных военных машин и военных кораблей, держал в повиновении отдельные города, показывал себя мягким в деле мира, но наводил страх на неприятеля своими приготовлениями к войне.

VII. Получив известие, что Сулла овладел Римом и что партии Мария и Карбона кончили свое существование, он стал ждать немедленной высадки армии под чьей-либо командой для неприязненных действий против него, вследствие чего выслал Юлия Салинатора с отрядом в шесть тысяч человек тяжело вооруженной пехоты, чтобы запереть проходы Пиренейских гор. Действительно, Сулла выслал вскоре Гая Анния. Видя, что Юлий занимает неприступную позицию, он остановился в затруднении у подошвы гор. Какой-то Кальпурний, по прозванию Ланарий, изменнически убил Юлия; тогда его солдаты очистили вершины Пиренеев, и Анний перешел через горы со своей многочисленной армией и двинулся вперед, обратив в бегство всех мешавших его продвижению.

Серторий, считая борьбу с ним неравной, укрылся с тремя тысячами человек в Новом Карфагене. Здесь он сел на корабль, переехал море и высадился в Африке, вблизи мавританской границы. В то время как его солдаты, не расставив караулов, черпали воду, на них напали туземцы и многих убили. Серторий вторично уехал в Иберию. Вначале высадка ему не удалась. Но получив в подкрепление несколько кикийских разбойничьих судов, он кинул якорь в виду Питиусских островов, высадился и прогнал оставленный здесь Аннием гарнизон. Вскоре, однако, явился Анний с сильным флотом и пятью тысячами тяжелой пехоты. Серторий

решил дать ему морское сражение, хотя его суда, отличаясь легкостью и быстротою хода, и не были построены для участия в сражениях. В это время задул сильный западный ветер; на море разыгралась буря. Благодаря легкости кораблей Сертория, большинство их ударяло бортами о скалы. Он не мог выйти в море с небольшим числом своих судов вследствие бури, высадиться же ему не позволял неприятель. Десять дней пришлось ему бороться с волнами и со страшными усилиями выдерживать жестокую качку.

VIII. Когда ветер стих, он пристал к группе каких-то разбросанных безводных островов; где кинул якорь. Отсюда он вышел в море, проехал через Гадирский пролив и высадился направо, в тех местах Иберии, которые находятся за проливом, несколько севернее устья реки Бэтиса, впадающего в Атлантический океан и давшего имя той части Иберии, по которой он протекает. Здесь он встретил несколько мореходов, недавно приехавших с островов Атлантического океана. Этих островов—два; они отделены один от другого очень узким проливом, лежат в десяти тысячах стадий от берега Ливии и называются островами Блаженных. Редко на них идут, да и то небольшие, дожди; в большинстве случаев их освежают мягкие теплые ветры, приносящие с собой росу; их почва, прекрасная и тучная, не только дает возможность пахать и сеять, но даже приносит сама собою плоды в огромном количестве и очень сладкие, которые могут без труда и забот кормить праздно живущий народ. Острова пользуются приятным климатом, благодаря ровности и умеренности времен года и отсутствию резких перемен. Дующие от нас северные и восточные ветры вследствие огромного расстояния попадают в это место ослабленными, рассеиваются и теряют свою силу. Напротив, морские ветры, южный и западный, изредка приносят с моря теплые и ровные дожди, по большей части только освежая влагой землю при ясной погоде и питая незаметно всю растительность. Вот почему даже среди варваров распространилось [занесенное извне] твердое убеждение, что здесь находятся Елисейские поля, местопребывание блаженных, воспетое Гомером.

IX. Подобного рода рассказы внушили Серторию горячее желание поселиться на этих островах и жить спокойно, не подчиняясь тирании, вдали от военного шума. Киликийцы, догадавшись о таком его намерении, не желая жить в мире и пользоваться покоем, но думая лишь о богатстве и добыче, отплыли в Ливию с целью вернуть престол Мавритании сыну Ифта, Аскалиду. Серторий, однако, не пал духом. Он решил помочь воевавшим с Аскалидом, чтобы дать своим солдатам пищу для новых надежд, доставить случай к новой деятельности и не позволить им разойтись вследствие лишений. Мавританцы приняли его охотно. Приехав к ним, он приступил к делу, разбил Аскалида и осадил его.

Между тем, Сулла отправил Аскалиду и его сторонникам вспомогательное войско под начальством Пациана. Серторий дал Пациану сражение, разбил его, причем Пациан пал в битве, и заставил его войско перейти на свою сторону. Затем он осадил Тингу, куда бежал Аскалид вместе со своими братьями. По преданиям ливийцев, здесь находилась могила Антея. Не веря рассказам варваров о его высоком росте, Серторий приказал разрыть его могилу. Говорят, он нашел труп в шестьдесят локтей длинной. Придя в изумление, он принес жертву и велел зарыть могилу, чем увеличил уважение к Антею и его известность. Жители Тинги рассказывают легенду, что после смерти Антея жена его, Тинга, сошлась с Гераклом, что родившийся у них сын, Софак, сделался царем в этой стране и основал город, назвав его в честь своей матери Тингой. Сын Софака, Диодор, говорят они, царствовал над многими ливийскими народами, так как в его распоряжении находилось греческое войско, набранное из поселенных здесь Гераклом

ольвийцев и микенян. Я рассказал об этом на основании слов Юбы, из уважения к нему, который, будучи царем, в то же время был прекрасным историком; говорят, его род ведет свое начало от Диодора и Софака.

Завладев всей местностью, Серторий ничем не обидел тех, кто обратился к нему с просьбой о помощи и доверился ему. Он передал им их собственность, города и власть, взяв от них то лишь, что мог принять, не роняя своего достоинства.

Х. Когда здесь он обдумывал вопрос, куда ему отправиться, к нему прибыли лузитанские послы с предложением принять над ними начальство. Из страха перед римлянами, они очень нуждались в полководце, пользовавшемся глубоким уважением и военным опытом. Они знали о характере Сертория от тех, кто был с ним, и вверяли свою судьбу исключительно ему. Говорят Серторий был так же недоступен для чувственных наслаждений, как и не знал страха. Твердый духом в горе, он был сдержанным в счастье. В открытом сражении он выказывал смелость, которою не мог сравниться с ним ни один из современных ему полководцев. В тех же случаях, когда на войне необходимо было действовать хитростью или предупредить врага, например, если следовало занять сильную позицию или совершить какой-либо переход, что требовало быстроты и умения обмануть врага, он был искуснейшим мастером своего дела. Щедро награждая за храбрость и подвиги, он умеренно наказывал за проступки. Тем не менее, его жестокость, его бесчеловечный поступок с заложниками, имевший место в последние годы его жизни, доказывает, повидимому, что он был кроток не от природы, но надевал на себя такой облик по необходимости, под влиянием рассудка. Мне кажется, никакие превратности счастья не могут заставить переродиться высокие нравственные качества, если они существуют в действительности и основаны на велениях разума. С другой стороны, нет ничего невозможного, что его прекрасные намерения и природные достоинства, после перенесенных человеком незаслуженно тяжких обид и бедствий, меняют вместе с несчастьем и свой характер. То же самое, по моему мнению, случилось и с Серторием, когда счастье уже начинало отворачиваться от него и когда он, озлобленный всё чаще повторяющимися неудачами, вымещал свой гнев на людях, поступавших с ним несправедливо.

ХI. Как бы то ни было, но теперь он уехал из Ливии по приглашению лузитанцев. Став главнокомандующим, он начал немедленно собирать войска и занялся покорением ближайших областей Иберии. Большинство, впрочем, покорялось ему добровольно, главным образом, вследствие его мягкого образа действий и энергии; тем не менее, он прибегал, с целью обмануть их и привлечь на свою сторону, и к различного рода хитростям. В этом случае ему всего более помогал олень. О нем существует следующий рассказ. Простой местный житель Спан встретил на охоте недавно родившую самку оленя, бежавшую от охотников. Ее он не мог поймать, но погнался за юным олененком, удивленный необыкновенным цветом его шерсти—она была совершенно белого цвета. Ему удалось поймать его. Случайно, в окрестности стоял лагерь Сертория. Он с удовольствием брал всё то, что было плодом охоты или земледелия, что ему преподносили в качестве подарка, и ласково благодарил своих почитателей. И вот Спан поднес ему этого оленя в подарок. Серторий, приняв его, вначале не выражал особенной радости. Впоследствии, однако, он сделал оленя таким ручным, и олень был так привязан к нему, что прибегал на его зов, шел за ним следом и спокойно относился ко всякому шуму в лагере. Мало помалу, Серторий сделал оленя и предметом религиозного поклонения, распуская слух, будто он подарен ему Артемидой; он с почтением рассказывал, что олень открывает ему многие тайны,—Серторий понимал, что

варварские народы по своей природе легко поддаются суеверию. Между прочим, он прибегал к следующим хитростям. Получив тайное донесение; что неприятель вступил в какое-либо место его страны или склонил какой-либо город к отпадению, он говорил, будто олень объявил ему во сне, что ему необходимо держать войско наготове. Точно так же, узнав, что какой-либо из его полководцев одержал победу, он скрывал вестника, но выводил вперед оленя, украшенного, в знак радости, цветами, предлагал всем веселиться и приносить богам жертвы, говоря, что вскоре они, вероятно, получат приятное известие.

XII. Таким образом ему удалось сделать варваров послушными, вследствие чего он мог во всем вернее достигать своих целей. Они были уверены, что повинуются приказаниям не иноземца, но вожда, посланного им божеством. Сами обстоятельства оправдывали их мнение, — они видели, что его силы и могущество увеличиваются сверх ожидания. С двумя тысячами шестьюстами «римлян», как называл их Серторий, семьюстами человек ливийцев различных племен, прибывших вместе с ним в Лузитанию, с четырьмя тысячами легкой лузитанской пехоты и семьюстами человек конницы он вел войну с четырьмя римскими полководцами, в распоряжении которых находилось сто двадцать тысяч пехоты, шесть тысяч конницы, две тысячи стрелков и пращников и масса городов, между тем как он владел вначале только двадцатью городами. Будучи столь слабым, начав сперва с малого, он не только покорил сильные народы и взял множество городов, но и разбил в морском сражении при Мелларийском проливе пропретора Котту, на берегах Бэтиса одержал победу над наместником Бэтики Фуфидием, где изрубил две тысячи римлян, затем его квестор разбил проконсула северной Иберии, Луция Домиция, и, кроме того, Торания, другого полководца, отправленного против него с войском Метеллом, причем Тораний был убит. Сам Метелл, пользовавшийся тогда в Риме огромным влиянием и славой, был несколько раз разбит Серторием и поставлен в такое отчаянное положение, что Луций Маллий должен был двинуться к нему на помощь из Нарбонской Галлии, Помпей же Великий получил приказание быстро выступить из Рима со всей своей армией. Метелл не знал, как ему вести войну со смелым противником, всячески избегавшим сражения в открытом поле и строившим свои войска самым различным образом, благодаря подвижности и легкости иберийских солдат. Метелл был человеком, умевшим сражаться во главе тяжело вооруженной пехоты, в бою, веденном по правилам тактики, командовать неповоротливой, твердо стоявшей на месте фалангой, прекрасно обученной для того, чтобы отбивать нападения вступившего в рукопашный бой неприятеля и обращать его в бегство; лазить же по горам, безостановочно преследовать и гнаться за бегущим неприятелем, быстрым, как ветер, терпеть голод, жить без огня, без палаток, под открытым небом, как солдаты Сертория, — этого он не мог.

XIII. Метелл был уже стар и, после целого ряда больших трудов, отдался теперь жизни праздной и полной удовольствий. Ему приходилось вести войну с Серторием, полным юношеских сил и имевшим замечательное здоровье, подвижным и привыкшим к простому образу жизни. Он не напивался пьяным даже в минуты досуга, привык много работать, долго ходить, не спать по несколько ночей подряд и довольствоваться простой пищей в умеренном количестве. В свободное время он всегда отправлялся на прогулки и охотился, поэтому узнал все непроходимые и проходимые местности, откуда мог убежать во время преследования или обойти неприятеля, преследуя его. Вот почему Метелл, лишенный возможности вступить с ним в сражение, нес потери, какие терпят побежденные, тогда как Серторий во время бегства пользовался выгодами преследующего. Он отрезал

20*

неприятелям воду, затруднял добывание провианта, мешал им идти вперед, беспокоил их, если они останавливались; когда они осаждали других, он, появившись здесь, заставлял их самих превращаться в осажденных и терпеть недостаток в необходимом. Таким образом, неприятельские солдаты выбивались из сил, отказывались повиноваться и, когда Серторий вызывал Метелла на поединок, с криком требовали, чтобы полководец скрестил оружие с полководцем, римлянин—с римлянином. Когда Метелл отказывался, они начинали издеваться над ним. Но и он смеялся над ними,—и был прав: полководец, выражаясь словами Феофраста, должен умереть смертью полководца, а не простого солдата.

В то же время Метелл заметил, что лангобриты оказывают Серторию деятельную помощь и что их город легко взять ввиду его дурного водоснабжения, так как в нем был один только колодец, а вода ручьев в предместьях и за стенами города могла легко очутиться во власти осаждающего. Он двинулся к городу, надеясь, что двухдневная осада заставит жителей сдаться, за неимением воды; поэтому он приказал солдатам запастись хлебом только на пять дней. Но Серторий, быстро явившись на помощь городу, велел наполнить водою две тысячи кожаных мехов, назначив за каждый мех хорошую плату. Многие иберы, а также немало мавританцев изъявили желание взяться за это дело. Серторий выбрал из них самых здоровых и проворных и послал по горным тропам, приказав, когда они передадут жителям мехи с водою, незаметно вывести из города всё лишнее население, чтобы воды достало для защитников. Когда Метелл узнал об этом, он был неприятно поражен, так как у его солдат уже вышел провиант. Он отправил Аквиния с шеститысячным отрядом за продовольствием. Получив об этом известие, Серторий устроил на дороге засаду. В то время как Аквиний возвращался назад, в заросшем лесом овраге перед ним появилось три тысячи человек, а Серторий напал на него с фронта и обратил его в бегство. Часть неприятелей была изрублена, другая взята в плен. Когда Аквиний, сам без оружия и коня, явился к Метеллу, то последний должен был с позором отступить, сопровождаемый градом насмешек со стороны иберов.

XIV. Своими победами Серторий снискал себе удивление и любовь варваров. Кроме того, вооружив и обучив их по-римски, он смягчил их дикую, иступленную храбрость и превратил их из большой разбойничьей шайки в правильное войско. Затем, не щадя золота и серебра, он украшал их шлемы, разрисовывал щиты, советовал носить цветные платья и плащи, давал им на это средства и, возбуждая их тщеславие, старался привязать их к себе. Но, главным образом, он расположил их к себе своими заботами об их детях. Он собрал детей из лучших семейств различных туземных племен, отправил в большой город, Оску, и дал им учителей для преподавания греческих и римских наук. В действительности они были его заложниками, на словах же он давал им образование, чтобы они в зрелых годах приняли вместе с ним участие в политике и правлении. Отцы с большим удовольствием смотрели, как их дети вполне чинно шли в школу в тогах с пурпуровой каймой, как Серторий платил за них, часто справлялся об их успехах и раздавал награды лучшим ученикам, даря им золотые медальоны, которые римляне называют «буллами».

У иберов был обычай, чтобы свита полководца, в случае его смерти в сражении, умирала вместе с ним. Этот обычай варвары называли «жертвой за полководца». Других полководцев сопровождали только немногие телохранители и друзья, тогда как за Серторием шли многие десятки тысяч людей, обречших себя на смерть ради него. Говорят, когда Серторий был обращен в бегство у одного какого-то города и неприятели преследуя жестоко наседали, иберы, забыв думать о себе, думали лишь о спасении

Сертория. Подняв его на плечи, они передавали его один другому, пока не подняли на стену. Каждый из них обратился в бегство только после того, как их предводитель оказался в безопасности.

XV. Его любили не только иберы, но и все войска, прибывавшие из Италии. Например, принадлежавший к той же партии, что и Серторий, Перпенна Вентон, прибывший в Иберию с огромными денежными суммами и большою армией, решил вести войну с Метеллом отдельно на свой собственный страх. Солдаты его были недовольны. В лагере то и дело говорили о Сертории, к досаде Перпенны, гордившегося своим происхождением и богатством. Когда же было получено известие, что Помпей перешел через Пиренеи, солдаты схватили оружие и со знаменами легионов в руках с криком требовали от Перпенны вести их к Серторию, иначе грозили оставить его и отправиться к человеку, «умевшему спастись и спасти других». Перпенна уступил и повел их. Со своими пятьюдесятью тремя когортами он соединился с Серторием.

XVI. Все племена, жившие за рекой Ибером, становились под знамена Сертория. Составилась огромная армия; со всех сторон не переставали стекаться к нему толпами варвары. Ему приходилось бояться беспорядка, царившего среди варваров, и их дерзкой решительности; они с криком требовали, чтобы он вел их в сражение с неприятелем, и были очень недовольны его медлительностью. Он старался успокоить их словами убеждения, но, видя, что они раздражены и настойчиво предъявляют свои требования, он, зная всю несвоевременность этого, в конце концов согласился и позволил им дать сражение неприятелю. Он надеялся, что, если они и не будут разбиты наголову, им всё равно придется обратиться в бегство; поэтому впредь они станут больше слушаться его. Его ожидания оправдались. Но он двинулся к ним на помощь, прикрыл их отступление и позволил им безопасно войти в лагерь.

Ему хотелось рассеять и их уныние. Через несколько дней он приказал собрать весь народ и привести двух лошадей: одну—едва державшуюся на ногах и уже старую, другую—большую и сильную, с замечательно густым и красивым хвостом. Возле слабой он поставил рослого и сильного человека, возле другой, сильной,—маленького, невзрачного на вид. По данному им знаку, рослый схватил обеими руками хвост своей лошади и стал изо всей силы тянуть к себе, с целью вырвать его, между тем как его слабый товарищ вырывал у сильной лошади по одиночке волосы из ее хвоста. Первый долго трудился, но без успеха и, возбудив в зрителях громкий смех, отказался, слабый же быстро и легко вытащил из хвоста все волосы. Тогда Серторий поднялся со своего места и сказал: «Вы видите, сотоварищи, упорный труд полезней грубой силы! Многие, чего нельзя сделать разом, можно сделать постепенно. Упорство—вещь непреодолимая. Благодаря ему, время уничтожает и побеждает постепенно всякого рода силу. Оно верный союзник тех, кто умеет, следуя указаниям рассудка, ждать удобной минуты, и заклятый враг людей, спешащих не во-время». Подобного рода примерами Серторий каждый раз утешал своих варваров и, как детей, заставлял их ждать удобного времени.

XVII. Поступок его с харакитанцами, народом, жившим на берегах реки Тагония, заслуживает не меньшего удивления, чем другие боевые его подвиги. Харакитанцы не жили ни в городах, ни в деревнях. Есть большой и высокий холм с гротами и впадинами в скалах в северной его части. Вся лежащая внизу местность дает глину; почва ее, благодаря сухости, рыхла; на ней нельзя встать твердо, и, при малейшем прикосновении, она превращается в пыль, как пепел или известь. Население во время войны каждый раз в страхе скрывается в эти пещеры, собирает туда всё свое имущество и остается спокойным, в безопасности от всякого насилия.

Однажды Серторий, отступая перед Метеллом, расположился лагерем возле холма. Жители относились к нему с презрением, как к побежденному. Быть может, Серторий был раздражен, быть может, он хотел доказать, что не бежит от неприятеля, только он на рассвете подъехал к холму и стал осматривать его. Нигде не оказывалось слабого пункта для нападения. Сердясь и посылая харакитанцам пустые угрозы, он заметил, что ветер поднимает с той почвы страшную пыль и несет ее наверх, прямо на харакитанцев. Пещеры, как я заметил выше, обращены к северу. Северный же ветер—эккия, как зовут его некоторые,—дует с обильных влагою долин и снежных гор; это самый сильный и продолжительный из всех дующих здесь ветров. В то время была середина лета. Он дул сильно и хотя, если можно так выразиться, питался от таяния северных льдов, тем не менее был очень приятен и давал прохладу днем как для самих харакитанцев, так и для их стад. Серторий принял это в соображение и, слыша, кроме того, то же самое и от туземцев, приказал солдатам рыть сухую, как пепел, землю, свозить в одно место, против холма и делать насыпь. Харакитанцы думали, что насыпь делается вместо вала, и смеялись. Серторий заставил солдат работать вплоть до ночи и затем отвел их.

На рассвете начал дуть легкий ветерок, поднимавший самые легкие частицы наваленной в груды земли, рассыпавшейся, как пыль. Встало солнце; задул сильный северный ветер. Холмы стали покрываться пылью. Солдаты Сертория глубоко переворачивали почву и разбивали комья. Некоторые гоняли даже вниз и вверх по насыпи лошадей и заставляли пыль нести по ветру. Ветер, подхватывая все легкие, подвижные частицы, нес их наверх, в убежище харакитанцев, открытое действию северного ветра. В их пещерах было одно только отверстие для прохода воздуха, вследствие чего пыль стала вскоре застилать их зрение; через некоторое время дыхание их стало затруднительным, они вбирали в себя тяжелый, перемешанный с множеством пыли воздух. С трудом держались они два дня, на третий—сдались. Они увеличили не столько силу, сколько славу Сертория,—своим умом он сделал то, чего нельзя было добиться оружием.

XVIII. Пока он вел войну с Метеллом, он почти всегда одерживал победы над ним. Старик Метелл вследствие своей природной медлительности не мог успешно бороться с человеком смелым и начальником скорее разбойничьей шайки, чем хорошо обученного войска. Когда же Помпей перешел Пиренеи и Серторий стал возле него лагерем, то противники стали применять друг против друга свой опыт в различного рода военных хитростях. Отвечая на хитрость хитростью действуя осторожно. Серторий и здесь оказывался выше своего противника. Теперь до самого Рима пронеслась громкая молва, что он самый талантливый и способный из всех тогдашних полководцев. Слава Помпея была также немала, но она блистала тогда, главным образом, в силу его подвигов под знаменами Суллы, за что он получил титул «Магнус», т. е. Великого, и безбородым юношей удостоился чести триумфа. Вот почему много городов, подчиненных Серторию, обратили свои взоры на Помпея и хотели перейти на его сторону, но затем их пыл остыл, когда они узнали о печальной судьбе, сверх всякого ожидания постигшей Лаврон.

В то время как Серторий осаждал этот город, Помпей двинулся на помощь городу со всею своей армией. Первому хотелось занять холм, выгодную позицию для действий против города, другой же спешил помешать ему. Серторий действовал быстрее. Тогда Помпей отдал войскам приказ остановиться. Он был рад этой счастливой случайности; по его мнению, Серторий попал в середину между городом и неприятельскими войсками. Он отправил сказать лавронцам, чтобы они успокоились и, сидя на стенах, смотрели, как он станет осаждать Сертория. Последнему

рассказали об этом, и он с улыбкою заметил, что научит «ученика Суллы» — насмешливое название, придуманное им для Помпея, — что полководец должен смотреть больше назад, нежели вперед. С этими словами, он, которого считали «осажденным», выдвинул шесть тысяч тяжелой пехоты, оставленных им в прежнем лагере, покинутом им, когда он шел занимать холм, и получивших приказание напасть на Помпея с тылу при первом же его движении против Сертория. Помпей заметил это, но поздно. Боясь обхода, он не решился начать сражения, однако стыдился и бросить в минуту опасности преданных ему людей. Он стоял на месте и должен был оказаться свидетелем их гибели: варвары отказались от борьбы и сдались Серторию. Он пощадил им жизнь и всех отпустил, но город приказал сжечь, хотя и не в порыве раздражения или из чувства жестокости, — он менее, чем кто другой из полководцев, давал волю своему гневу, — но в позор и унижение поклонникам Помпея. Он желал, чтобы варвары узнали, что Помпей, находясь тут же и чуть не греясь на пожаре союзного города, тем не менее, не мог защитить его.

XIX. Конечно, и Серторий не раз терпел поражения. Лично он умел оставаться ни разу не побежденным, так же как и окружавшие его; зато в лице других полководцев он проигрывал сражения. Но тем, что он умел исправлять неудачу, ему удивлялись больше, чем его победителям-противникам. Доказательством служат сражения при Сукроне с Помпеем и затем с ним же и Метеллом при Турии. По рассказам, Помпей поспешил дать сражение при Сукроне, чтобы не делить лавров победы с Метеллом. В свою очередь, Серторий желал дать Помпею битву до прихода Метелла. Дождавшись вечера, Серторий начал сражение, надеясь, что темнота будет мешать неприятелям как при бегстве, так и при преследовании: они не были туземцами и не знали местности. Сражение было в полном разгаре. Случайно Серторию пришлось стоять не против Помпея, а против Афрания, командовавшего левым флангом, тогда как он сам стоял на правом. Получив донесение, что те части его армии, которые вступили в сражение с Помпеем, разбиты и принуждены, сильно преследуемые, отступить, он сдал команду над правым флангом другим полководцам и быстро двинулся на помощь своим разбитым воинам. Одни из них уже отступали, но некоторые еще не покидали своих рядов. Серторий собрал их, ободрил, вторично начал сражение с преследовавшим его Помпеем и разбил его наголову. Сам Помпей, раненый, едва не был убит. Он спасся совершенно случайно: ливийцы, поймавшие его лошадь в золотой сбруе, украшенную дорогими бляхами, стали делить их между собою, перессорились и забыли о преследовании.

Между тем Афраний разбил стоявших против него врагов, в то время как Серторий поспешил на помощь своему другому флангу; он заставил их отступить к лагерю, а затем ворвался в него и стал грабить. Было уже темно, и он, не зная о поражении Помпея, не мог помешать солдатам грабить. В это время оставшийся победителем Серторий вернулся к себе в лагерь, напал на растерявшихся в беспорядке солдат Афрания и изрубил многих из них. Утром он приказал солдатам снова выстроиться в боевой порядок и повел их против врагов, но затем, узнав, что Метелл близко, он уклонился от сражения и отступил со словами: «Не будь этой старухи, я, в назидание, нашлапал бы мальчишку и отослал бы в Рим!»...

XX. Вскоре он сильно опечалился; нигде не видя своего оленя. Он лишился прекрасного помощника в деле управления варварами, крайне нуждавшимися тогда в ободрении. Через несколько времени его люди, вышедшие ночью с другими целями, случайно встретили оленя, признали по цвету шерсти и взяли с собою. Услышав об этом, Серторий обещал дать им много денег, если они не скажут об этом никому. Он спрятал оленя, переждал несколько дней и затем с сияющим лицом подошел к кафедре,

рассказывая вождям варваров, что божество открыло ему во сне об ожидающем его большом счастье. Затем он вззошел на кафедру и стал заниматься с присутствующими текущими делами. Между тем сторожившие поблизости оленя выпустили его. Животное, заметив Сертория, радостно помчалось к кафедре, подошло к нему, положило голову на его колени и дотронулось мордой до его правой руки, как оно делало это и раньше. Серторий отвечал ему горячими ласками и даже заплакал. Окружающие сперва были изумлены, затем среди них раздались крики, сопровождаемые рукоплесканиями; они проводили Сертория до дому как человека, на которого излились дары неба, как любимца богов, и снова стали полны мужества и надежд на лучшее.

XXI. Серторий запер неприятелей в равнине Сагунта и довел их до последней крайности. Ему пришлось вступить с ними в сражение, когда они отправлялись для грабежа и за продовольствием. Обе стороны сражались храбро. Меммий, один из самых способных начальников, подчиненных Помпею, пал в ожесточенной схватке. Победа склонялась на сторону Сертория. Производя страшную резню среди сопротивлявшихся еще неприятелей, он пробивался к самому Метеллу. Последний встретил его с мужеством не по его летам и, после геройского сопротивления, был поражен копьем. Те из римлян, которые видели это лично или узнали от других, сочли позором для себя оставить своего полководца без защиты. Ими овладело раздражение против неприятеля. Закрыв Метелла щитами и совместными усилиями вынеся его из битвы, они смело двинулись вперед и прогнали иберов. Победа вновь отвернулась от Сертория.

Чтобы сделать бегство безопасным и иметь возможность собрать спокойно новую армию, <Серторий пустился на хитрость>; он бежал в укрепленный город в горах и стал поправлять его стены и заваливать ворота, думая в душе о чем угодно, только не о том, чтобы подвергнуть себя осаде. Он обманывал неприятелей; они стояли лагерем в виду города и надеялись овладеть им без труда; поэтому они не обращали внимания на тех варваров, которые бежали, и позволяли новым силам собираться вокруг Сертория. И Серторий собирал войско, разослав по городам своих начальников с приказанием сообщить ему, когда у них наберется достаточно сил. Лишь только они сообщили ему об этом, он легко пробился сквозь неприятельские ряды и соединился со своими.

Теперь он снова стоял во главе сильной армии и двинулся против неприятелей. Он отрезывал им своими засадами подвоз провианта со стороны материка и окружал их, быстро появляясь всюду. Со стороны же моря берег находился в руках его разбойничьих судов, вследствие чего он заставил римских полководцев отступить. Один из них ушел в Галлию, Помпей остался зимовать у ваккеев, причем страшно нуждался в деньгах. Он писал в сенат, что отведет войско назад, если ему не пришлют денег, и что, сражаясь за Италию, он уже истратил свое состояние. В Риме многие говорили, что Серторий явится в Италию раньше Помпея. Вот в какое печальное положение поставил талантливый Серторий первых и самых могущественных из тогдашних полководцев!

XXII. Метелл показал, как боялся и высоко ставил он Сертория: он объявил, что убивший его римлянин получит от него сто талантов серебра и двадцать тысяч югеров¹ земли, если же то будет изгнанник, — разрешение вернуться в Рим. Он этим как бы показывал, что, отчаявшись вести с ним открытую борьбу, он хотел купить смерть великого человека

¹ Греческий текст дает «плетров», но можно думать, что Плутарх имел тут в виду именно римский югер, хотя эти меры не тождественны: плетр=10 000 кв. футов, а югер=28 800 кв. футам.

ценой предательства. Одержав затем однажды победу над Серторием, он страшно возгордился и был так обрадован своим успехом, что принял звание «императора». Города, которыми он проезжал, должны были приносить в его честь жертвы и воздвигать алтари. Говорят, он даже позволял надевать себе на голову венки и принимал приглашения на торжественные обеды, на которых он пил в платье триумфатора; статуи Победы, опускавшиеся с помощью подвижных машин, подносили ему трофеи из золота и венки, а хоры детей и женщин пели в честь него победные песни. Конечно, Метелл был смешон, называя Серторию дезертиром войска Суллы и остатком разбитой армии Карбона, а, с другой стороны, гордясь и радуясь так сильно тогда, когда разбил противника, уже решившего отступить.

Серторий, напротив, выказывал возвышенный характер. Во-первых, он составил сенат из бежавших из Рима и находившихся при нем сенаторов. Он назначал из их среды квесторов и преторов, причем всё организовал на основании законов своего отечества. Затем, распоряжаясь войсками, деньгами и городами иберов, он ни на шаг не поступился в их пользу правами верховной власти; напротив, ставил военными и гражданскими начальниками одних только римлян; он старался вернуть свободу римлянам, но не усиливал иберов в ущерб римлянам. Он горячо любил свою родину и страстно желал вернуться назад. Даже при неудачах он оставался героем и ни в каком отношении не унижался перед неприятелями, после же своих побед посылал сказать Метеллу и Помпею о своей готовности сложить оружие и жить частным человеком, если ему позволят вернуться: он предпочитал быть самым незаметным гражданином в Риме, чем, будучи изгнанником из родной страны, носить звание «повелителя» над другими народами. Говорят, он всего сильнее тосковал по родине из-за своей матери. Она воспитала его, сироту, и он любил ее всей душой. Когда он был приглашен своими друзьями в Иберию принять начальство над войском, он получил известие о смерти матери. Это известие так поразило его, что он от горя едва не лишил себя жизни. Семь дней не давал он пароля, не показывался друзьям; он лежал в своей палатке. Его боевые товарищи, равные с ним по рангу, окружили ее и заставили, наконец, его выйти к солдатам и заняться делами, находившимися в прекрасном положении. Вот почему многие разделяли мнение, что мягкий по натуре и склонный к мирной жизни, он принял команду лишь по особым причинам, против своего желания, что его заставили взяться за оружие преследования неприятелей; войну он считал для себя средством безопасности и необходимостью для спасения своей жизни.

XXIII. Точно так же его отношение к Митридату говорит о его благородном характере. Разбитый Суллой Митридат, как поднявшийся после неудачи борец, снова собравшись с силами, решил вторично завоевать провинцию Азию. Уже со всех сторон шла громкая слава о Сертории. Приезжавшие с Запада наполнили Понт рассказами о нем, как о своего рода диковинном иностранном товаре. Царь решил отправить к Серторию посольство. Главным образом его побуждали к этому высокопарные речи его льстецов, сравнивавших Серторию с Ганнибалом и Митридатом—с Пирром. Они уверяли, что, если гениальный полководец соединится с могущественнейшим из царей, римляне окажутся принужденными вести борьбу на два фронта с двумя противниками, обладающими такими дарованиями и средствами. Митридат отправил к Серторию в Иберию послов с письмами и словесными поручениями. Он обещал доставить Серторию деньги и флот для ведения войны и требовал взамен от него, чтобы он утвердил его в правах владения всей провинцией, Азией, уступленной им римлянам на основании заключенного с Суллою договора. Серторий собрал совет, названный

им сенатом. Все другие соглашались принять условия и признать их подходящими,—ведь царь требовал лишь только имени и пустой подписки в знак согласия на то, что было не в их распоряжении, и давал возможность получить взамен этого то, в чем они крайне нуждались. Но Серторий не принял условий. Он отвечал, что согласен позволить Митридату владеть Вифинией и Каппадокией, население которых всегда подчинялось царям и никогда не было подвластно римлянам; что же касается провинции, присоединенной к римским владениям вполне законно, провинции, которую царь отнял, но потерял в войне с Фимбрией и затем уступил, на основании мирного договора, заключенного с Суллой, то он, Серторий, не согласен уступить ему ее вторично. По его словам, «ему следует увеличивать своими победами римские владения, а не покупать свои победы ценой унижения отечества: честный человек обязан желать победы, приносящей славу его имени, а ценой позора не должен покупать даже своей жизни».

XXIV. Его ответ изумил Митридата. «Какие же законы станет диктовать Серторий, сидя на Палатине,—сказал он, говоря своим приближенным,—если теперь, загнанный на берега Атлантического океана, он назначает границы моему царству и грозит войной, в случае моих покушений на Азию?» Несмотря на это, они заключили клятвенный договор на следующих условиях: Митридату оставлялись во владение Каппадокия и Вифиния, Серторий обязался прислать ему солдат вместе с полководцем, Митридат—выплатить ему три тысячи талантов и дать эскадру в сорок кораблей.

Серторий действительно отправил царю, в Азию, полководца Марка Мария из числа бежавших к нему сенаторов: Марий взял ему несколько азиатских городов. Когда он вступал туда с ликторами, Митридат шел за ним в качестве младшего, добровольно принимая на себя роль подчиненного. Одни из городов Марий сделал самостоятельными, другие освободил от налогов, причем объявил, что этим они обязаны Серторию. Таким образом, население Азии, притесняемое откупщиками, страдавшее от алчности и своеволия иноземных, расквартированных в ней солдат, снова вздохнуло, надеясь на лучшее и желая ожидаемой перемены власти.

XXV. Но в самой Иберии поднялись зависть и глупая ревность к могуществу Сертория в среде окружавших его членов сената и равных ему по званию лиц, лишь только страх их миновал и они сочли себя достаточно сильными для борьбы с врагом. Гордившийся своим аристократическим происхождением и мучимый тщеславием Перпенна хотел получить власть и тайно разжигал своих сторонников мятежными речами. «Какой злой рок ведет нас от худого к худшему?—спрашивал он,—мы считали унижением для себя, оставаясь дома, подчиняться Сулле, повелителю всех земель и морей. А здесь, на свою гибель, желая жить свободными, мы превратились добровольно в телохранителей изгнанника Сертория. По имени, возбуждающему насмешки в слушателях, мы называемся «сенаторами», на деле же терпим оскорбления и должны исполнять приказания и трудиться не меньше, чем иберы и лузитанцы!».

Слова его произвели впечатление. Большинство, однако, не бросало Сертория явно из страха перед его силой, но тайно старалось мешать его успехам. Например, они обижали варваров, жестоко наказывали их и налагали на них тяжелые подати, ссылаясь на мнимое приказание Сертория. Благодаря этому, в отдельных городах происходили восстания и волнения. Отправляемые для их успокоения и улажения несогласий лица возвращались, еще более разжегши дух вражды и усилив нежелание их повиноваться, вследствие чего в мягком и обходительном раньше Сертории произошла такая резкая перемена, что он поступил несправедливо

с воспитывавшимися в Оске детьми иберов: одних он приказал казнить, других продал в рабство.

XXVI. Перпенна, имевший на своей стороне многих заговорщиков, сделал, между прочим, участником своего плана Маллия, одного из высших начальников в войске. Маллий был влюблен в одного молодого человека. Из любви к нему, он открыл ему тайну заговора и советовал не обращать внимания на других поклонников, но отдаться ему, Маллию, так как вскоре он будет играть важную роль. Молодой человек рассказал об этом другому своему поклоннику, Ауфидию, к которому был больше расположен. Его рассказ заставил Ауфидия изумиться; хотя он лично тоже участвовал в заговоре против Сертория, но он не подозревал об участии Маллия. Когда же молодой человек назвал имена Перпенны, Грацина и нескольких других, которых и Ауфидий знал за заговорщиков, окончательно смущенный Ауфидий старался уверить мальчика, что это пустяки, и советовал смотреть на Маллия, как на пустого болтуна и хвастуна. Сам же он отправился к Перпенне, объяснил ему серьезность их положения, угрожающую им опасность и требовал немедленно приступить к делу.

Они условились и отправили к Серторию подготовленного для этой цели нарочного с письмом, где сообщалось о победе одного из его полководцев, с огромной потерей для неприятеля. Когда крайне обрадованный Серторий стал приносить жертву в честь столь радостного известия, в это время Перпенна стал приглашать на обед его и находившихся при этом своих друзей—они принадлежали к числу заговорщиков—и, после настоятельных просьб, уговорил принять его приглашение. При всех обедах, где присутствовал Серторий, вполне соблюдались правила приличия и скромности. Он терпеть не мог видеть или слышать что-либо наглое, напротив, приучал даже своих товарищей не выходить из границ пристойных шуток и веселости. На этот раз среди попойки они стали искать повода к драке, с умыслом пели неприличные песни и, притворяясь пьяными, безобразничали с целью вывести его из терпения. Быть может, Серторию не нравилось их неприличное поведение или, быть может, он догадался об их умысле по их дерзкой болтовне или по оказываемому ему необыкновенному презрению, только он переменял свое место за столом и лег к ним спиной, чтобы показать, что или не обращает на них внимания, или не слушает их. Тогда Перпенна взял чашу с цельным вином и, в то время, как пил из нее, нарочно выронил ее из рук; раздался звон от ее падения, а это было условным знаком для заговорщиков. Антоний, лежавший рядом с Серторием, ударил Сертория мечом. Последний повернулся по направлению удара и хотел встать, но убийца бросился к нему на грудь и схватил обе его руки. Таким образом Серторий не мог даже защищаться и испустил дух под градом ударов заговорщиков.

XXVII. Большинство иберов немедленно разошлось, вступило в переговоры с Помпеем и Метеллом и изъявило покорность. Но Перпенна, собрав всех оставшихся, хотел вместе с ними проявить себя каким-либо подвигом. Он воспользовался приготовлениями, сделанными Серторием, лишь для того, чтобы опозорить себя и показать, что он не был создан ни повелевать, ни повиноваться. Он двинулся со своими войсками против Помпея. Немедленно же он проиграл сражение и попался в плен. Но даже последнего своего несчастья он не мог перенести так, как должен переносить его полководец. Имея в своем распоряжении бумаги Сертория, он предлагал показать Помпею собственноручные письма консуляров и самых влиятельных лиц в Риме, звавших Сертория в Италию, так как многие желали преобразования существующего порядка и изменения политического строя. Помпей поступил в данном случае так, как можно было ожидать не от молодого человека, но от вполне зрелого и опытного мужа

твердого и испытанного ума, вследствие чего он спас Рим от множества страхов и потрясений. Он собрал все вышеупомянутые письма и бумаги Сертория и всё сжег, не прочитав их ни сам, ни позволив сделать это кому-либо другому, лично же Перпенну приказал немедленно казнить. Он боялся, что, если имена некоторых из этих лиц сделаются кому-либо известными, возникнут новые возмущения и волнения.

Из товарищей Перпенны по заговору одни были приведены к Помпею и убиты, другие бежали в Африку, но погибли под ударами копий маврусьев. Спасся один Ауфидий [соперник Маллия в любви]. Быть может, на него не обратили внимания или отнеслись к нему с презрением. Благодаря этому он прожил до конца своих дней в какой-то варварской деревне, в бедности и всеми ненавидимый.

Перевод В. Алексеева

